

Коллекция Современной Прозы

Душа моя

Ирина Кувшинова

Коллекция современной прозы

Ирина Кульджанова

Душа моя

«ИП Березина Г.Н.»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Кульджанова И.

Душа моя / И. Кульджанова — «ИП Березина Г.Н.»,
2018 — (Коллекция современной прозы)

ISBN 978-5-906957-65-8

В жизни Катерины до последнего момента все было как у всех: привычная, размеренная, замужняя жизнь. Впереди – счастливое событие, свадьба единственного сына. Но накануне все начинает лететь в тартарары – ее собственный брак разваливается, смысл жизни теряется. А любимая тетюшка, у которой она ищет понимания и сочувствия, вместо ожидаемой помощи преподносит тайну из прошлого. И оказывается, иногда, чтобы понять себя и обрести равновесие, нужно понять чувства других людей. Даже если для этого приходится ехать неизвестно куда в поисках неизвестно чего.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906957-65-8

© Кульджанова И., 2018
© ИП Березина Г.Н., 2018

Содержание

Радость и горе ходят бок о бок	7
Душа моя	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ирина Кульджанова

Душа моя

Родилась, живет и работает в Казахстане, в г. Караганде.

Окончила Карагандинскую медицинскую академию, специальность психиатр-нарколог.
Работала массажисткой в доме ребенка, врачом общей практики, наркологом, бухгалтером. Сейчас индивидуальный предприниматель.

Окончила литературные курсы им. А. Чехова и М. Чехова в мастерской Александра Гриценко.

Радость и горе ходят бок о бок

Главная героиня этой повести – женщина. От ее имени ведется рассказ. Эта книга о семье, об утрате простого женского счастья и непростом поиске счастья нового... Так что на первый взгляд может показаться, что и читатели этого произведения – исключительно женщины. Возможно, в первую очередь – да, женщины. Но вовсе не исключительно. Признаюсь: читал текст повести в вагоне метро и в какой-то момент так увлекся, что проехал свою остановку. Понимаю, что это звучит банально, но – абсолютная правда...

Жанр мелодрамы не так прост, как считают многие. Так за что же еще большее число читателей этот жанр любят? А за то – ни больше ни меньше – что именно в мелодраме, как ни в каком другом жанре литературы и кино, находит свое выражение основополагающий христианский принцип: каждый получает по своим заслугам. Да, этот принцип в мелодраме воплощается в несколько упрощенной форме, но ведь – выражается! И выражается ярко, точно, убедительно... Да, в христианстве воздаяние по заслугам происходит после смерти, а в мелодраме – уже при жизни. Но ведь это так в сущности человека – желать счастья при жизни, а не после нее. Никто не вправе упрекать людей за это.

Обратимся за помощью к другой философско-этической системе. В буддизме есть понятие «короткая карма» – то есть та, что не влияет на новое воплощение индивида, его реинкарнацию, а реализуется уже в этом воплощении, в этой жизни. И эти воззрения также подпитывают жанр мелодрамы новыми глубокими смыслами.

Да что уж там: при всей легкости этого жанра работать в нем не так-то уж и просто. Написать качественную мелодраму – серьезный труд. Пожалуй, более сложный, чем написать драму. Ну разве проблема обложить своего героя со всех сторон злом и проблемами и бросить в таком состоянии, не доведя даже до катарсиса... Поскольку катарсис – это уже атрибут трагедии. В первую очередь античной.

А вот мелодрама – это драма, герои которой находят выход из, кажется, безвыходной ситуации, успешно решают все свои проблемы, преодолевают выпавшее на их долю зло. И это в два раза сложнее.

Да-да, чтобы написать хорошую мелодраму, нужно сначала придумать напасти на голову своим героям, а потом так же придумать обстоятельства выхода из создавшейся истории. Мелодрама невозможна без хэппи-энда. А убедительный хэппи-энд выстроить не так-то просто. Он должен быть, с одной стороны, неожиданным, непредсказуемым, – иначе ведь неинтересно совсем. А с другой стороны, он непременно должен быть убедительным, правдоподобным. Он не должен быть притянутым за уши. Снова вспомним античную драматургию: принцип *Deus ex machina* – когда в конце, конечно, не трагедии, а уже комедии над сценой возвышается поднятый на специальных механических приспособлениях бог и разводит руками все сложности и перипетии, омрачающие жизнь персонажей на протяжении всего сценического действия... Так вот в хорошей современной мелодраме такой подход совершенно недопустим. Решительно. Мы не в Древней Греции – в многобожие никто не верит...

Так что же делать? А ровно то, что сделала в своей повести «Душа моя» Ирина Кульджанова. Она начинает свое произведение четко и конкретно, что называется, по существу. С самых первых строк она вводит читателя в курс дела. А точнее, в курс проблем своей героини. Причем она уже с первых же строк мастерски использует еще один самый важный принцип хорошей мелодрамы – радость и горе ходят бок о бок.

Обратите внимание. Вот самое начало самого первого абзаца:

«Поездка была давно запланированная, но уже несколько раз откладывалась. Я не могла объяснить тетушке, что развожусь. Ну да, да, она

бы все поняла, но меня напрягала необходимость еще раз кому-то что-то объяснять, тем более по телефону...» и т. д.

А вот первые строки уже второго абзаца:

«В последнее время навалилось что-то все сразу. Месяц назад сын сообщил, что женится. Мы с отцом всегда его поддерживали, да и самостоятельный он уже – с шестнадцати лет и работает, и учится, всего год остался до диплома. Девочка хорошая, ну а если что-то и не заладится – сам выбирал. Хотя мы с ней сразу общий язык нашли, вроде не стервь, слава богу...»

Радость и горе ходят бок о бок... Сын Катерины, главной героини повести, женится, а муж заявляет, что любит другую и она уже ждет от него ребенка. А Катерина и не жила никогда для себя – все только для семьи. А сначала – для мужа. У нее и нет-то ничего другого в жизни. Судя по тому, что автор не акцентирует внимание на профессии своей героини и на том, где она трудится, работа в ее жизни занимает второстепенное место. Это подтверждается и впоследствии, в середине повести, когда она легко и без лишних раздумий меняет работу... Для Катерины главное в жизни – семья. А ее-то она и лишается. И не важно, по радостной причине (свадьба) или по грустной (измена) из ее жизни уходят два самых близких человека – сын и муж. Она лишается ближнего круга. Но есть еще и второй круг близости...

Автор повести очень верно выстраивает композицию своего произведения. Точными штрихами очертив ситуацию в семье Катерины в настоящем, писательница переносит читателя в прошлое. Она рассказывает историю ее бабушки и дедушки, а также тети Светика, которая хоть и не родня Катерины, но оказывается самым близким человеком.

Эта история также полна бытовых трудностей и человеческих трагедий. Но именно это прошлое семьи Катерины, а точнее, его отзвук в настоящем – помогает героине преодолеть суровый жизненный кризис.

Впрочем, похоже, я увлекся, как тогда в вагоне метро... Нет-нет, я рассказал только самую завязку, лишь несколько первых страниц текста – все слезы и радости Катерины еще впереди. Так что у вас еще есть возможность, как я, проехать свою остановку, увлекшись чтением.

Андрей Щербак-Жуков, поэт, прозаик, литературный критик

Душа моя

*«... И где-то рядом с тобой,
Среди цветов, живущих сегодняшним днем,
Среди облетающих листьев,
Среди растущей травы,
В тени деревьев бродит моя душа»*

Сергей Кременский

Поездка была давно запланированная, но уже несколько раз откладывалась. Я не могла объяснить тетушке, что развожусь. Ну да, да, она бы все поняла, но меня напрягала необходимость еще раз кому-то что-то объяснять, тем более по телефону. Хотя тетушка и умничка, и всегда на моей стороне, но лучше уж потом, при встрече. Сядем с нею под нашей яблоней, заварим чаю с мятой и душицей, я вон и печенье тетя Светино любимое везу с собой – и я ей все-все расскажу, правда-правда! Хотя, если честно, внутри все до кишок болит до сих пор...

В последнее время навалилось что-то все сразу. Месяц назад сын сообщил, что женится. Мы с отцом всегда его поддерживали, да и самостоятельный он уже с шестнадцати лет и работает, и учится, всего год остался до диплома. Девочка хорошая, ну а если что-то и не заладится – сам выбирал. Хотя мы с ней сразу общий язык нашли, вроде не стервь, слава Богу.

От помощи нашей они отказались, решили пока снимать однушку, ну да лиха беда начало. Конечно, помогаем по мелочи, но и Гошка, и Лера стараются сами и заработать, и подкопить. Разногласия только из-за свадьбы вышли – дети ни в какую не хотели праздник на наши деньги гулять, а своих-то не так много. Ну а мы, родители, конечно, хотели и родню познакомить, и сами повеселиться, ну а самое-то главное – это ж событие, всю жизнь, как она не сложится, помнить будешь. Переобижались друг на друга, поперессорились, Гошка удила закусил, да и Мишка, муж мой, тоже уперся лбом. Ну, а мы с Лерой втихаря поговорили, чтоб никому обидно не было, деньгами сложились и решили, что поженятся они в деревне.

Туда-то, к Светику, сейчас я направлялась – за оставшуюся неделю до свадьбы все подготовить, собраться с мыслями – и, что уж поделаешь – заползти в дальний угол, зализать все свои раны. На работе даже отпуск взяла...

Потому что пару недель назад пришла ко мне прямо домой женщина, да безо всяких обиняков заявила, что Мишу она моего любит, и он ее тоже, и ждут они ребенка, а я вроде как помеха выхожу их бесконечному счастью. Наверное, не сильно я и удивилась – все равно, прожив всю жизнь с человеком, и чуешь и видишь все, что с ним происходит. Если, конечно, он тебе нужен. А мне Миша мой всегда особенным был, никогда даже в мыслях его ни с кем не сравнивала... Даже на работе, слушая, как девчонки на обеде трындят бесконечно о своих толиках, пупсиках, калашниченковых и иже с ними – всегда молчала, боялась, что расскажу кому – и сглажу свое счастье...

Не помогло, видно... Чувствовала я, конечно, что все как-то изменилось, просто верить себе не хотела, все спасительное что-то придумывала... Он в последние пару месяцев такой заботливый стал, внимательный, и показалось, что вот оно – сын вырос, остались мы сами и сможем друг другу внимания больше уделять, съездим вдвоем куда-нибудь. Сама себе говорила – это он для меня с новым запахом туалетную воду купил. Для меня на вторую работу устроился – ведь давно мечтали на море слетать. Наверное, сильнее всего в людях ошибаются те, кто их любит.

И вот я ошиблась. До вечера не помню, как дожила – казалось, сгорю, как хворост, и пеплом у порога осыплюсь. Не осыпалась... Наверное, он знал, что ОНА ко мне приходила –

зашел, как не к себе домой, не переодеваясь, сел в зале... Мне все еще хотелось надеяться, что он просто хочет меня позвать куда-то, и остался в выходном. Но он молчал. Я видела – злился, но не говорил ни слова... Он всегда, когда не знает, что делать – злится. Меня это всегда так сместило... А сейчас, наверное, остудило немного жар во мне. Это было так грустно – видеть своего любимого человека растерянным, не знающим, с чего начать. И я спросила, что будем делать дальше... Наверное, хотелось ему все-таки сделать вид, что он и не понимает, о чем идет речь, но все же посмотрел на меня, и понял, что без толку. Пожал плечами. Вдохнул. Ну, слава Богу. Значит, что-то решил.

– Кать, я, наверное, дел натворил...

Молчу. Знаю, что он ждет от меня какой-то реакции, слез, злости, понимания – чего-нибудь, а я хочу просто исчезнуть, совсем раствориться вместе со всею своей болью, и этим жаром невыносимым...

– Мне, наверное, надо теперь с нею жить... Ей рожать через пять месяцев...

Надо вдохнуть. Люди без кислорода не живут. Это хорошо. Потому что вдохнуть – ну никак.

– Ну, понимаешь, я тут подумал – может, я дом бабкин продам – и маленькую квартиру нам куплю, а то она в съемной сейчас живет...

Вдох!

– А то эту долго разменивать, да и тебя не хочу напрягать...

Выдох...

– Ну, ты чего молчишь-то?

Вдох.

Все. Уже могу.

– Я думаю, Миша. Ты все окончательно решил?

Начал снова злиться...

– Катюх, ну ты-то хоть меня не мучь! Что значит – окончательно? Как ты себе видишь это все? Леле рожать, а я что, должен отказываться от дочери? Ты же не захотела второго!

Это правда. Когда Гошке было три года, я снова забеременела. Миша работал вахтами, в недолгие пересменки «отдыхал душой» – всей компанией уезжали на охоту – рыбалку на несколько дней, привозили его частенько оттуда совершенно бесчувственным еле ковыляющие друзья. Он приходил в себя пару дней и уезжал на вахту... Я металась между деревней, где в большом доме жила моя болеющая уже тогда мама и тетя Света, работой и детсадом. Когда узнала, что беременна, поняла, что просто не смогу быть везде и сразу... Такое навалилось горькое отчаяние... Наверное, надо было бросить все – и работу, и город, и Мишу – удрать в деревню и родить там, но тогда почему-то это казалось невозможным. И я пошла в больницу на операцию...

В той бесконечной гонке эти часы после наркоза в больничной палате были каким-то другим, чужим и холодным миром, деловитые медсестры, спокойные врачи, многочисленные соседки и разговоры – ни о чем и о самом страшном...

– Ой, девочки, в этот раз прям легко прошло! Прошлый раз дважды меня скоблили – думала кони двину!

...

– Чего-то бледная она лежит, эй, подруга, может, медсестру позвать?

...

– А я своему говорю – давай лучше бэху возьмем, раз уж выбор есть!

...

– Нагнали что-то сегодня народу – в палате уже дышать нечем! Эй, девки, заткнитесь все – кислород жрете немеренно!

...

– Гляньте, эй, подруга, ты куда собралась-то? Тебя же штормит еще! Оклемайся сперва – для того ж и койка дадена!

А наркоз, оказывается, обезболивает только тело. И там, внутри, поселяется то, что потом потихоньку будет шириться и болеть, противно царапать сердце и постепенно вырастет в колючее и пропитанное ядом: «Ты отказалась». И, как только открываешь глаза на этой самой кровати и понимаешь и что уже... все – внутрь вползает это самое опустошение, про которое в палате почему-то никто не говорит... И хочется унести его отсюда побыстрее, чтоб эта пустота не заполнилась техническими подробностями и фразами женщин с соседних коек...

А потом так и не наступает за всю жизнь момент, когда твое тело захочет снова сделать тебе этот ненужный некогда, а теперь желанный подарок.

– Хорошо, Миш. Ты делай, как считаешь нужным, только давай сначала дети поженятся, ладно? Я потом тебе все помогу – давай только не сейчас, пожалуйста...

– О'кей, Катюх, всегда знал, что ты надежный человек!

...

И он, уже совсем спокойно собрав какие-то вещи, покружив по дому, крикнул с порога:

– Кать, дверь запри!

Как обычно. Будто и не ушел только что из моей жизни к другой женщине. К другому ребенку.

* * *

Домик мне от бабушки достался, в районе, после войны отстроен был, бабушка с дедом, еще молодые, сами сруб поднимали. Соседи тогда помогли, чем могли, все так жили.

Дед мой был азартный, как что в голову втемяшится – тут же задумку в жизнь приводил. Потому и дом вышел не как у всех, а с высокими потолками, большой верандой, жилым светлым чердаком, который бабушка звала «светица», потому как жила там потом почти всю жизнь ее младшая подружка, Светик. Да и комнаты все заложил просторными, видно, надеялся, что детей будет много. Но военный голод и тяжелая стройка, пережитые моей бабушкой, нарушили все планы – родилась у них только моя мама. После ранней дедовой, а потом и бабушкиной смерти жила она там с тетушкой много лет, а три года назад и ее не стало.

Осталась в доме только Светик. Светик – давняя подруга моей бабушки, но я ее всегда за тетушку принимала. Ей уже, как говорит она сама, неприлично за семьдесят, но она по-прежнему бодра и просто потрясающе выглядит. Жизнь у нее сложилась не слишком счастливо, как и у многих, переживших войну и потерю родных. Правда, Светик родилась перед самой войной, и мало что помнит, кроме постоянного чувства голода. У нее до сих пор все карманы забиты всегда конфетками и сушками, и если дома нет готовой еды, Светик не начнет ни одно дело, пока ничего не приготовит.

На самом деле, она удивительный человек. Когда бабушка с дедом поженились, Светику не было еще и десяти, она практически жила во флигеле районной больницы, там же работала и моя бабушка медсестрой. В больницу Светика привезли в сорок четвертом малышкой, исхудавшим донельзя птенчиком. Дальняя малюсенькая деревенька, откуда она была родом, наполовину вымерла к тому времени от зимнего голода, и старый деятельный председатель правления принял решение – обошел все дома, и позвал жить до лета в клуб. Собрались все, одну, хоть и большую, избу протопить было легче, да и одноглазая тетка Марья, в начале войны окончившая курсы медсестер, могла хоть чем-то помочь тем, кто болел. Светика отправили в районную больницу на санях по последнему снегу с пневмонией, вместе с соседским мальчишкой. Она почти не приходила в себя, вся горела страшным лихорадочным огнем, съедав-

шим ее последние силы. Выхаживали тогда ее всем миром, а уже слегка ожившую – баловал каждый, как мог.

Однажды привезли из города вместе с лекарствами сахарную голову и кулек карамелек. Устроили праздничный вечер, а Светик подаренную ей конфетку попробовала и выплюнула – не очень-то ей по вкусу пришлось ни разу не виданная сладость. Зато сахарная голова, запертая в чуланчике на столе, действовала на нее гипнотически, и проведавшая о ее наличии Светик несколько раз засыпала перед дверью заветной комнатки, свернувшись калачиком на лавке под подоконником напротив. Прожила она в больнице тогда года два, ведь отправлять ее уже было не к кому. Голодная зима унесла с собой жизни бабушки и родной тетки, с которыми жила Светик, на маму, ушедшую на фронт еще в сорок втором пришла похоронка, а от отца вестей не было уже больше двух лет.

После войны встал вопрос об оформлении ребенка в детский дом, и, когда уже были готовы все документы, вернулся отец. Светик, ни разу в жизни его не видевшая, испугалась здорово. Ни в какую не хотела уезжать из ставшей родной больницы. Боялась незнакомца, который нетерпеливо теребил ее куцые хвостики, целовал колючими усами щеки и ладошки и обнимал так, что дышать было вовсе нечем. Пахло от него крепким табаком и пылью, и чем-то терпко-тяжелым, и Светик, освоившая все правила приема в больницу, заявила тогда растерявшемуся отцу: «Давай-ка, дорогушенька, быстренько в помывочную, да на общий осмотр!». Так и остались они тогда вдвоем.

В родную деревню уже не вернулись, остались в районе. Выделили им небольшой крепенький домик на окраине, давно опустевший и заколоченный. Уютом там и не пахло, маленькое семейство в нем оставалось только на ночь. Светик, получив в свое полное распоряжение большого и сильного мужчину под названием «папа», прониклась годам к семи, как же ей, куцехвостой, повезло в жизни. Папа любил дочу самозабвенно, устроившись в райцентре водителем, возил ее с собой целыми днями, баловал нехитрыми сюрпризами – то косыночку яркую подарит, то яблок за пазухой принесет, а однажды – вот чудо! – появилась у Светика самая настоящая азбука. С тех пор жизнь ребенка наполнилась чудесными людьми и историями, которые она беспрестанно рассказывала всем, кто в тот момент оказывался рядом. Находились добрые люди, которые обещали Светику:

– Вот погода, найдет тебе отец мамку, кончится твоя вольная жизнь!

Светик, привыкшая к всеобщей любви, недоумевала, что может измениться, но боялась и начинала внимательно смотреть, чтоб у папки ни малейшего шанса найти ей мамку не осталось. Днем, дожидаясь отца, старалась что-то сделать по хозяйству, и он нарадоваться не мог, какая у него шустрая и хозяйственная девчушка подрастает. Понимал он, что не жизнь это для ребенка, что в дом нужна женщина, чтоб уют в него принести и о дочери заботиться, но медлил. Когда Светику исполнилось семь, она важным голосом ему сообщила:

– В школу я иду, пап, понимаю, что и так умная, но нужно все же учиться. Да и развиваться ребенку надо, я ж врачом буду. Но ты не волнуйся, я с подругой договорилась, она меня кушать готовить подучит, да и по хозяйству подсобит, так что работай и не переживай!

Взволнованный этим дочерним успокоением еще больше, отец выяснил, что подруга – медсестра из больницы, живущая по соседству, спокойная и молчаливая Полечка, ни в чем не отказывающая его шустрой дочери. Поговорив с ней на следующий день, он убедился, что Светик нашла единственно верное для них решение. Пообещав Поле небольшую оплату, вздохнул свободно.

Конечно, на него, вернувшегося с фронта и овдовевшего, с первого дня велась охота. И сам он, чего уж там, хотел спокойной и уютной мирной жизни, и что б рядом была теплая и заботливая жинка, и домой хотелось бы, как на крыльях, лететь, как-то до войны было. Сердце уже давно смирилось, что его Галинку слепая война прибрала холодными пальцами, и хотело

любви и устроенности. И уже на примете была ладная почтальонша Татьяна, розовощекая, вся аккуратненькая, играли на щечках ямочки и заставляли там, в груди, теплеть и томиться...

Жизнь потихоньку налаживалась. Так прошел еще год. Светик училась, дома был образцовый порядок, а по okazji, да и выходными, Танечке не приходилось больше скучать в одиночестве. А потом, конечно же, случилось то, что должно было – Танечка, розовая от счастья, сообщила своему избраннику, что отяжелела. Тянуть дольше было некуда, так и переехала она в дом, где и без нее все было хорошо. Светик, настороженно выслушав смущенного и счастливого папу, молча, заперлась в маленькой комнатке. Отец, ожидавший всеобщей радости, походил по дому кругами, вытащил заначенную бутылку с самогоном тетки Феклы, да и надрался в одиночку до полного беспамятства, чего раньше никогда не делал. Танечка, утомленная сборами и переживаниями, ополовинила кастрюльку с борщом, сваренным Светиком, и уснула в сенях на лавке, потеплее укутавшись в теперь уже мужнин тулуп. Так не романтически и побудничному и изменилась жизнь Светика.

Подувшись на взрослых еще несколько дней, пожаловавшись Полинке и не дождавшись от нее ни слова сочувствия, Светик поняла – наверное, папе маловато для счастья только ее присутствия. Это было обидно и несправедливо, но Поинка посоветовала с Танечкой поладить, и Светик прислушалась. Конечно, мачеха не любила ее, как свою дочь, но Светику сравнить было не с чем, маму она не помнила.

Жить стало немного легче. Отец теперь чаще бывал дома, много улыбался и называл их «мои девчусики». Танечка все успевала по дому, не смотря на уже сильно выпирающий живот, и старалась помочь Светику и с уроками, и в малюсеньком, засаженном девочкой по весне огороде. Светик, видя, что отец любит ее, как и раньше, успокоилась и даже начала привыкать к Танечке и ее будущему ребеночку.

Тем более, девочка проводила в школе все больше времени, твердо вознамерившись «учиться на отлично и стать врачом». Сразу после уроков неслась в ставшую ей родной больницу, пропадала там допоздна, помогая во всем Поинке, и делая уроки мимоходом на столе в маленьком чуланчике. Там самом, где когда-то хранилась вожделенная сахарная голова.

Таня, потихоньку выяснившая у соседки, где пропадает ее падчерица, сильно не волновалась, а отец, приходящий затемно, и вовсе не знал, чем живет его дочура. Когда Танюше наступил срок рожать, именно Светик не растерялась, собрала и ее в больницу, и привела в чувство испуганного отца, выплеснув на него ковш воды. Восьмилетняя девочка во всем помогала дежурной акушерке, оставшись с Танюшей. Конечно, это было строжайше запрещено, но Танюша не отпускала руку девочки все долгие часы родов, и Светик так и осталась в мрачной комнатке, отряженной под предродовую палату. Просидела на неудобном колченогом стуле, поглаживая напрягающийся Танин живот, сообщая, когда должна наступить следующая схватка и вселяя в роженицу уверенность, что все идет по плану. Родившийся мальчик – красный, сморщенный, издававший беспрестанные пiski показался ей самым восхитительным существом в мире, и она всю жизнь потом оставалась преданно любящей его сестрой.

С каждым годом Светик, подрастая, укреплялась в своем стремлении стать врачом. К десяти годам она практически жила в больнице, засыпая урывками в ординаторской на короткие часы, вскакивая при любых, даже самых тихих и осторожных шагах Поинки или врача. Конечно, оставалась она на все дежурства старшей подруги, но иногда, разузнав, что привезли роженицу или кого-то из экстренных, упрашивала дежурного врача разрешить ей остаться и помочь хоть чем-то. И обычно ей не отказывали – исполнительная, спокойная и многое умеющая девочка была уже незаменимой помощницей.

Однажды на дежурстве Поинка, как обычно сев ужинать в комнатушке со всеми медсестрами, промолчала до чая и... пригласила всех на предстоящую свадьбу. Никто из присутствующих, кроме Светика, и не знал, что у Поинки есть жених. Новость все бурно обсуждали,

гада, кто же избранник этой тихони и почему никто не знал ничего. Светик молчала, как партизан. Потому что в Семена, сосватавшего ее подругу, была влюблена добрая часть разношерстного женского коллектива. Из-за него сварились девчонки-медсестры, на него заглядывались и молодая фельдшер, и девчонки с пищеблока, и даже врач-невропатолог, которая приехала несколько лет назад в районную больницу по распределению и была уже, по мнению всех девчат, безнадежным перестарком.

Семен был высоким жгучим брюнетом, веселым, душой любой компании. Работал до армии водителем на скорой помощи и был частым гостем в районке, привозя через день в смене кого-нибудь из ближних и дальних деревенок. Три года назад его забрали в армию, и не куда-нибудь, а на Дальний Восток, и служил Семен матросом на эсминце во Владивостоке. И когда он на днях приехал в отпуск, в бескозырке, брюках клеш и форменной блузе – девичьи сердца замирали от восхищения и смутных надежд и трепетали даже при мимолетных встречах. И никто не догадывался, что его сердце уже давно принадлежит Полине, которая ни в какую до сих пор не принимала его ухаживания. В первый же день своего отпуска, поздоровавшись с родителями, ринулся к ней – хотя бы увидеть. И она ему обрадовалась. Ему повезло, застал ее дома, не на работе, и она усадила его пить чай. Наверное, что-то произошло, она была необычно – даже на фоне всегдашней ее молчаливости и застенчивости – тиха. Ему ужасно хотелось ее приободрить, увидеть нежную улыбку – и все смешные истории о долгой дороге, про своих однополчан, про свою учебу перед первым морским походом он рассказывал без перерыва. Постепенно Полинка начала улыбаться, что-то переспрашивала, и даже рассмеялась, он пил и пил чай с сушками, и боялся умолкнуть хоть на минуту. А потом, ощущая молот в груди, с разгона спросил: «А давай я на тебе женюсь?». Увидел, как изменилось ее лицо, и, не дав ей ни словечка сказать, выпалил: «Ни говори ничего! Мне еще два года служить. Думаешь, сколько хочешь». И она не сказала.

А на следующий день он ждал ее с утра на завалинке у ворот дома. Боялся, что прогонит, шел, молча, рядом почти до больничной ограды, а она вместо прощания улыбнулась и сказала: «Я согласна». И убежала.

До конца отпуска оставалось еще четыре дня. А до конца Полинкиной смены – целых девять часов. Более чем достаточно окрыленному своим счастьем человеку, чтоб смести любые преграды, и сотворить чудо...

Вечером, придя с работы, Полина застала дома целый хоровод гостей. Растерянная тетка Матрена суежилась, заставляя стол всем, что нашлось дома. За столом сидели родители Семена – обоим Полинка знала очень хорошо, ведь всю жизнь прожили на одной улице. Был еще Васька – друг его ближний, которого этой осенью тоже должны были уже в армию забрать. Ну и сам Семен – весь сияет от усов до начищенных ботинок... Тетка сверлила Полинку удивленным взглядом, но ни о чем не спрашивала.

Оказалось, Семен за один день поставил перед фактом родителей, и убедил отца поговорить с председателем о разрешении зарегистрировать брак прямо послезавтра! Так и осталось для всех тайной, какие доводы использовал суровый и немногословный дядь Ваня, но разрешение было получено. И вот послезавтра вечером она, Полинка, замуж выходит.

Проводив гостей и прибрав со стола, устало опустилась на стул. Посмотрела на образок в углу. Он всегда напоминал ей об отце. Отец, бывший председатель колхоза, кристальной честности человек и убежденный коммунист – в Бога не верил, всегда говорил, что человек сам строит свою жизнь. Сам принимает решения. И сам отвечает за последствия. И потому молиться на образа, выпрашивая у кого-то более счастливую судьбу – значит, не верить в себя, сгружать ответственность за все, что происходит, на того, кто и не существует вовсе.

С самого начала войны отец неоднократно ездил в военкомат – оставаться в тылу каждый день для него было предательством самого себя. В сорок втором, после очередной неудачной его поездки, вечером из дома его забрали люди в темной машине – тут, в районе, таких не было.

В тот вечер Полинка была на дежурстве, помогая после школы еще санитаркой в больнице. Придя домой утром, застала маму в ночной рубашке, закутанную в старую шаль, за кухонным столом. С заплаканными, потемневшими от бессонной ночи глазами. Обессилившую. Отпаивала ее чаем, пытаясь добиться, что же произошло. Узнала немного – то, что отца забрали. Наверное, навсегда...

Потом были дни и ночи без сна. Мама ничего не ела, не разговаривала, просто лежала, отвернувшись к белой стене. Дежурства. Страх, что, пока она на работе, дома случится еще что-то невыносимо страшное. Сердце, ждущее вестей о беде и судорожно сжимающееся от безвестности о судьбе отца...

Но отец вернулся. Через неделю, осунувшийся, небритый, но живой и здоровый. Ничего толком не рассказал – все выяснили, все в порядке. Завтра должен приступить к работе... Они с мамой ничего и не спрашивали, боясь спугнуть неожиданное уже счастье. Достаточно было и того, что он тут, с ними. Потом, в сорок третьем, папу все же призвали на фронт, и он вернулся в сорок шестом – другим человеком. Никогда не рассказывал ни о чем, не любил песни о войне и никогда не надевал орденов. Говорил ей: «Доча, забыть хочу все, что видел. А оно мне снится».

На свою работу он уже не вернулся – потихоньку ела его заработанная где-то в окопах чахотка. В сорок девятом в январе умерла Полинкина мама. Тихо, во сне. А через два месяца ушел и отец – за несколько дней до смерти обнял Полинку, сказав, что, слава Богу! совсем недолго ему осталось...

– Пап, ну что Вы... Вы ж и в Бога-то не верите! Войну пережили, что ж теперь-то не жить... Я вот выучусь, врачом стану, на курорт Вас отправим, я же рядом...

– Как мне, Полюшка, без нашей мамы? Зачем?

Зачем жить без любимых людей? Как только Полинка задавала себе этот вопрос, чувала, что ступает на топкую, расплывающуюся под ногами тропинку, под которой вязкая бездна. И отодвигала, отпихивала от себя даже мысли эти, потому что война закончилась, и они все, ее пережившие – обязаны были жить.

Через день после их разговора отец слег, глухо, несколько дней и ночей беспрестанно и мучительно кашляя, осунулся, говорил, что снилась ему мама, красивая, и косы у нее прежние – черные, почти до колен, и поет она что-то такое родное, а что – никак не вспомнить. После приснившегося отец ожил, нашел в себе силы поесть, побрился и намылся в приготовленном Полинкой большом тазу – помолодел, в глазах появился блеск...

Он словно ждал кого-то или чего-то – нетерпеливо выходил во двор, слабыми пальцами одну за одной мял самокрутки, выбрасывая каждую после первой затяжки. Почти не кашлял. Он напоминал сейчас Полине того, «довоенного» отца – молодого, сильного, счастливого мужчину. Полинка, видя все эти резкие перемены, отпросилась с работы – ей было страшно оставить его и на минуту. Она видела не раз, как люди перед смертью оживали, будто выпив волшебной живой воды – словно чтобы прожить оставшееся им время быстро и на самом пределе всех своих душевных и физических сил. Помнила, как воодушевлялись родственники, говорили – вот он, перелом, и теперь уже все будет хорошо – и не могли воспринять потом тяжелую весть, что человека не стало.

Сейчас, глядя на отца, она понимала, что он готов. Сердце отказывалось верить, что последний ее родной любимый человек, еще вроде бы находящийся тут, рядом, на самом деле с каждой секундой уходит все дальше и дальше, медленно растворяется в небытие. К вечеру он снова слег, глядя сквозь нее невидящим светлым взглядом, с улыбкой говорил что-то неслышное, дышал небывало глубоко и полно... Ночью его не стало.

Она просидела рядом с его телом до рассвета, без слез и мыслей. Какие-то отрывки из солнечного детства, то ли сон, то ли явь, дышащие умиротворением и нежностью, бесконечной чередой шли и шли перед глазами. Утром позвала к себе тетку Матрену, отцову старшую

сестру, вдовую и бездетную. Тетка с порога заголосила, потом как-то сразу умолкла, деловито порылась в старом сундуке, вытащив и вытряхнув гимнастерку и штаны, засуетилась, оглядев запасы в подполе, сходила к соседям, организовала мужиков... Полинка что-то помогала, с кем-то разговаривала. После немногочисленных похорон стылым и промозглым днем, проводив людей из такого же стылого и ставшего чужим дома, бродила по комнатам. Абсолютное молчаливое одиночество. Было невозможно оставаться, и она побрела на работу – там были люди, которые в ней нуждались, там была Светик. Вернувшись утром домой, увидела тетку Матрену.

– Чего смотришь? Туточки поживу... Покамест...

С приходом тетки Матрены дом изменился. Хозяйство, несколько запущенное, но уютное, правилось теперь неумолимой железной рукою. В углу появился темный от старости образок. Нехристю Прокофию, со слов тетки, и не везло в жизни, потому как он ни в Бога, ни в черта не верил. «Невезение» отца проявлялось в слабой жене, родившей одну только малахольную дочку, в неспособности его, будучи председателем, нажать что-то путевее, чем самодельная мебель в хате да старый барбос во дворе. В том, что не избежал фронта, что вернулся больным, что умер так рано.

Тетка, жившая до сих пор в малом домишке родителей на околице, получила в свою власть больший и крепкий дом бывшего председателя, а в придачу еще и безропотную и исполнительную племянницу. Полинка, уже давно живущая в своем режиме и ни у кого, кроме себя, не спрашивающая, во сколько вставать и как планировать свой день, теперь должна была отчитываться о каждой минуте вне дома, и жить по распорядку и с разрешения тетки. После похорон отца от полного одиночества и отчаяния девушку спасала теперь работа, и Светик – неугомонная, любопытная, солнечная – она вытаскивала Полинку из бездны тоски одним своим присутствием.

Светик, видя во что превратилась и без того несладкая жизнь старшей подруги, время от времени предлагала Полинке возможный выход. Уехать куда-нибудь. Выгнать тираншу взащей обратно в родительский дом. Выйти замуж. Полинка ни за что не хотела об этом даже слышать – и это притом, что какой-то год назад Светик была уверена – Полинка ждет из армии того, кто станет ее мужем. От скрытной и застенчивой девушки тогда Светик никаких подробностей не добила, даже имени парня не знала, но что могло измениться? Она терялась в догадках.

В тот день, когда Семен предложил Полинке жениться на ней, у девушки все шло не так. Тетка, встретив ее с ночной смены, не дала даже выпить чашку чая и не позволила поспать и получаса. Устроив большую уборку, выволокла немногочисленные мамины книги, лежавшие до того стопочкой на резной этажерке, поснимала родительские фотографические портреты с простенка в большой комнате, вытряхнула из сундука одежду отца. Безжалостное избавление от вещей, столько лет создававших ее, Полинкин дом, пустые стены без фотографий родных, о которых все еще так болело сердце, родило в покорной и тихой девушке с трудом сдерживаемую ярость. Она молча перетасила в свою небольшую комнатку все, от чего тетка так истово избавлялась. Скучно и наскоро пообедав, Полинка попыталась улизнуть к себе, но не тут-то было.

– Польша, а ну подь сюда!

Девушка вернулась в комнату, притулилась у стола.

– Я вот чего думаю. Толку с тебя не будет – малахольная ты. Надоть тебе, девка, замуж. А то ты уже перестарок – так и будешь, что ли, на шее моей до седых волос висеть? Мужиков, оно конечно, нима теперича, но я вчера в правлении была – так ахронома нового прислали, ничего так, еще без довеска. Пока ты там в своей булатории колготишься – так и таких, плешивеньких, не останется. Так что как хошь, а позвала я недокормыша назавтра, пирог сгоношу с тыквой – вот и поладите.

Сдерживаемая до этого момента холодная ярость начала закипать в Полинке.

– Теть Мотя, оставьте меня в покое!

– Ишь чего, в покое ее оставить! Ты чего это, возражать тут удумала? Ты, девка, меня слушай, а то, как отец твой непутевый поплывешь по жизни – и...

– Да что Вы вообще понимаете!!! Почему командуете тут, точно хозяйка? Я не Ваша собственность, и не лезьте ко мне со своими женихами!

Не привыкшая к сопротивлению Полинки тетка Матрена застыла на месте, забыв договорить.

А потом, бубня, пошла ставить тесто на пирог с тыквой. Бормотала:

– Ишь, умничает она! Один уже вон отумничался! И где он теперь? Где доходяга его тощая? Всех, всех уже Господь батюшка к себе призвал, а все почему? А потому как терпеть и слушаться надобно, а не умничать так-то...

А Полинка заперлась в комнате, слез и не было, внутри пульсировал целый клубок отчаянья, обиды, невыплаканного горя, и она все думала: «Почему? Почему это все происходит со мной? Со мной, рядом, близко, тут, в нашем доме, откуда она взялась, что такое она делает и говорит? Этот совершенно чужой и ненужный мне человек, она все тут собой заняла... А еще Богу молится, откуда в ней столько жестокости? А может, это не жестокость вовсе? Заботится обо мне, но она совсем не умеет заботиться ни о ком... Вот были бы родители рядом...» Она нашла в куче сваленных на кровати вещей портреты папы и мамы, тяжелые рамки оттягивали руки, и она по одной перетасила и поставила их на подоконник, оперев о стекло.

«Почему-то их портреты сняла, а образок свой старый поставила!» Подумала – и застыла. А вдруг тетя Мотя права? Ну не может же человек во всем быть не прав... Может, не все от нас зависит, и надо и... Ему... научиться молиться? Ну и глупости в голову лезут, совсем тетка темная замучила... уже во все, что угодно, верить готова. Но перед глазами настойчиво всплывал образок, потемневшее от времени изображение, необычайно живой, точно смотрящий прямо в глаза взгляд женщины в темных одеждах, с малышом на руках. Глаза такие... грустные, и еще в них что-то. Терпение и прощение, наверное... Неожиданно для себя Полинка тихонечко попросила: «Пожалуйста, если я не могу быть счастливой – пусть рядом со мной будет тот, кого я смогу сделать счастливым...» Посидела немного – вовсе без мыслей, не в силах стряхнуть с себя оцепенение.

В окошко кто-то стукнул. Она вздрогнула, ведь не ждала никого – но увидела знакомое лицо и обрадовалась. Семен?! Вышла в сени, позвала парня в дом. Тетка подевалась куда-то, ну, да и Бог с нею... Потихоньку странное оцепенение ее отпускало, хорошо, он говорил что-то – и она должна была прислушиваться, отвечать ему. Семен Сосед... ну ничего себе, изменился-то как. Откуда он тут? Неужто отслужил уже? Накрыла чай, так хотелось, чтоб он не уходил, побыл еще, со всей своей искрящейся силой и веселостью – в доме точно светлее стало! Он уже не тот долговязый неуклюжий мальчишка, который Бульку с ее двора мослом сманивал, чтоб втихаря Полинке в окошко яблок накидать. Не тот лоботряс, от шуток и выходок которого вся районная школа ходуном ходила. В плечах раздался, не сутулится вовсе, весь отглаженный, клеши со стрелками – с ума сойти! Оказывается, она ему так рада! И тут он ее оглушил своим вопросом. Замуж? За Сему? Но ведь есть сто тысяч «Но»... И самое главное – она его совсем не любит...

Когда он ушел, прибрала со стола. Пошла было в свою комнату – но взглядом снова встретила с взглядом той женщины на образке. Думаешь, смогу? Каждый день жить с человеком, искать в нем только лучшее, рожать ему детей... Дарить ему то счастье, которое он ждет и заслуживает? Научусь его любить? Ощущать всем сердцем?

На сколько вопросов в жизни, заданных самим себе, мы отвечаем честно? Без оглядки на сложившуюся ситуацию, без страха перед неизвестным «завтра»? Или просто взрослеем – и перестаем иногда быть честными сами с собой? И, тем более, с другими? А потом пугаемся своих ответов – и всей своей жизнью стремимся превратить это в правду...

Хлопнула дверь. Тетка Матрена, что-то бормоча, задержалась в сенях. Поля, словно стряхнув с плеч тяжесть, шагнула ей навстречу.

– Теть Мотя! Простите, что сразу не сказала... Не надо ни пирога, ни агронома – замуж я выхожу. Скоро. Вот Сема с армии вернется...

Та всплеснула руками:

– Вот заполошна девка! Чего ж молчала? Развела тут тайны! А я ить тесто поставила... Тыкву вона в тепло заволокла... Фомич-то, поди уж, дух пирога чует – агроном-то чай не председатель, подножным питается, на постой его к Лексевне определили – как пить дать она ему вчерашние-то щи неделю как скармливает... Ну, и хрен с тобой – седня я его прикормлю, завтра он в райсовете за меня словцо вставит, поди ж большой человек, даром что плешивенький...

Полинка ее уже не слушала. Принятое решение заполнило ее всю, разболелась голова, замутило. Добрела до постели, и, не раздеваясь, бухнулась лицом в подушку.

С утра все произошедшее вчера казалось каким-то странным несуразным сном. Но все оказалось правдой. За воротами ее ждал Семен, сегодня он был молчалив. Но ее это вовсе не тяготило – наоборот, было хорошо, что и молчать рядом с ним – спокойно, и нет никакой неловкости. Понимала, что ждет ее ответа – хоть и сказал, что не торопит. И сказала. И все закружилось...

Скорая свадьба, вихрем пролетевшие три дня до отъезда Семена, он, излучавший абсолютное счастье и какое-то невероятное количество любви и нежности... Полинка переехала в дом родителей Семы, в его комнату. После отъезда Семена мама его, Анастасия Никитишна, позвала Полю «посидеть вместе». Попросила ее помогать по дому – ведь живут теперь под одной крышей, пообещала, что в обиду не даст. И так получилось, что эта маленькая подвижная и веселая женщина стала для Полины и мамой, и подругой, и поддержкой на всю жизнь.

Через несколько недель после свадьбы Поля поняла, что ждет ребенка... Свекровь, выносившая и родившая пятерых детей, видела, что невестка ходит очень тяжело. Помогала, чем могла, но упрямая Полинка и работать продолжала, и по дому все старалась делать. Семен два раза в месяц писал письма. Одновременно родителям и ей. Танюша, почтальон, привозила почти всегда их вместе, обнимала Полинку и приговаривала: «Пляши, девочка моя, твой тебе весточку прислал!».

По этим письмам, по ежедневной жизни в доме родителей и узнавала Полинка своего мужа. Он открылся ей с совсем новой стороны, и она удивлялась, как возможно было жить совсем рядом – и не увидеть в человеке столько удивительного. Он был интересным рассказчиком. Вся бытовая жизнь его на корабле с его слов казалась чередой увлекательных веселых приключений. Он умудрялся во всем, что происходит, найти не просто хорошее. Казалось, что теперь, после свадьбы и известия, что он будет папой, каждый день для него – просто чудо какое-то, подарок свыше... Его письма наполняли Полинку надеждой, что она не ошиблась, что его появление в ее жизни неслучайно, и теперь все будет хорошо.

Когда она уже не могла выходить на работу, Светик каждый день прибегала хоть на пять минут – обнять ее и погладить растущий живот. Сурово сдвинув светлые бровки, давала Полине «ценные указания». Полинка смеялась и шутливо козыряла: «Есть, товарищ командир!». Светик ей не верила – и призывала в помощь «Настю Никитишну» – с некоторых пор эти двое сдружились и принимали одну сторону. Однажды сидели вечером все вместе в большой комнате, и Полинка смотрела, как свекровь и Светик шушукаются над вытащенными из сундука свекрови и принесенными Светиком малышowymi вещами. Пеленками, сорочками, оставшимися от детей Анастасии Никитичны и уже троих к тому времени братьев Светика. Поля, наконец, почувствовала себя дома. Ее любили, ждали появления ее малыша... Она вдруг остро ощутила, как в этом доме ей не хватает Семена – большого, шумного, веселого...

И еще поняла, что она с момента переезда не удосужилась даже зайти в родной дом – ноги не несли. Разве так можно? Тетка Матрена там одна – какой ни есть, а родной человек. Если бы не она – и не было бы у Полинки всех этих перемен. Не она и... не образок... Теперь Полинка отчетливо поняла – ей хочется, очень хочется сказать «спасибо».

И, на следующее утро, прихватив кусок вчерашнего пирога с моченой ягодой, она почти бегом заспешила к родительскому дому.

– Явилась, а чего не через пять лет?

Тетка встретила ее неласково, впрочем, как всегда.

– Теть Мотя, я тут пирога принесла, может, чаю попьем?

Тетка отвернулась, пожала плечами.

– Ну чего ж не попить, давай, коли пришла.

Пока Матрена доставала чашки, «которые не жалко» и собирала на стол скудное угощение, Полинка осталась на несколько минут одна в комнате. Это словно был и не ее дом, все теперь было по-другому, даже пахло иначе. Подошла к образку – близко-близко. Помялась, ощущая неловкость. Слов не было, молитвы ни одной не знала. Просто стояла рядом какое-то время, потом коснулась простой неровной рамки, почти неслышно сказала: «Спасибо». А потом еще, вдруг осознав, что именно хочется сказать: «Спасибо за все – за все. Спаси и сохрани мужа моего, пусть вернется он и не жалеет ни дня в своей жизни, что выбрал меня. Моего малыша, пусть родится здоровеньким и ему хорошие люди в жизни встречаются. Мою тетку Мотю, дай Бог ей здоровья – пусть ее хоть что-то радует. Мою новую семью – они хорошие люди... Светика – пусть всегда рядом будут те, кто ее любит...». Ужасно хотелось плакать, но на душе стало светло. «Пореву дома!» – подумала и улыбнулась. Теперь у нее точно другой дом...

– Чего застыла тама, как вкопана? Иди вона, чай хлебать, а то надысь делов куча... Брюхата ты али разжирела?

– Теть Мотя, ну конечно, ребенка жду, уж рожать скоро. Как Вы тут?

– Да как... Болит усе, ахроном – собака, таперича повадился день через день захаживать, придет да сидит, поганой метлой его не выгонишь... А то и вовсе переехать ко мне удумал, дак я не согласна, пошто он мне тут нужен? В хозяйстве он безрукий, жрать горазд, все книжки свои читат и мне ишшо подсовыват. Скаженный... Ну погляжу, мабуть, и пушай поселяется... А ты, смотри-тка, как сыр в масле... От и ладно. Ильинишна говорит, Семка твой ишшо не скоро приедет? Негоже это – бабе без мужика рожать. Да и Семкин ли это выпростыш? Или грех прикрыл твой, а?

Полинка аккуратно поставила чашку. Осторожно встала, поправила платье на животе.

– Пойду я. Засиделась... Спасибо за все...

До ворот почти бежала. На улице остановилась – перевести дух, не могла надышаться, почти кусками глотала холодный воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.